

Маковецкая С.Г.

О соблазнении саморегулированием

Единственный способ установить границы возможного – это выйти из них в невозможное.

Второй закон Кларка (Законы Мэрфи)

О личном интересе в саморегулировании правозащитного сообщества

В последние два года самым частым и постоянным предметом разнообразных обсуждений, на которые я попадала по долгу службы или по прихоти душевной, являлась кавалерийская атака государственного регулирования на правозащитную и в широком смысле некоммерческую деятельность.

Как-то сразу было понятно, что любому нормальному человеку с минимальным набором демократических интересов полагалось быть озабоченным, диагностировать посползновения государства не на свою территорию как вражескую атаку и включаться в разнообразную деятельность по привлечению к данной ситуации общественного внимания.

Почему-то ничего такого я в себе не находила. Поскольку навыки бизнес-консультанта по организационному развитию «в моей душе угасли не совсем», я по старой традиции при анализе причин любой проблемы между заговором и неразберихой всегда выбирала неразбериху.

Прошу понять меня правильно, откровенное хамство процесса разработки и принятия законодательства меня потрясло, как и всех остальных. Но я как-то была не готова серьезно говорить, что проблема с регулированием у правозащитных НКО исключительно от власти. Простой, на пальцах анализ иных проблемных дискуссий подтверждал: проблема у правозащитного сообщества с самим правозащитным сообществом и с реальной необходимостью приступить, наконец, к самостоятельному регулированию правозащитной деятельности. То есть говорить о необходимости и готовности к саморегулированию. Однако об этом, как правило, молчали.

Степень дискомфорта от происходящего усиливалась еще и ощущением, что мой собственный недолгий и неглубокий опыт участия в чем-то околоправозащитном не дает мне достаточных оснований для советов в этой сфере.

Впрочем, некий плацдарм «вторжения» все же обнаружился. У меня есть определенная долгая практика и личный интерес. Я жена правозащитника. (Он, правда, уже года два считает себя ушедшим из правозащиты. Однако все окружающие продолжают относиться к нему как к правозащитнику. Видимо, не только бывших сотрудников КГБ не бывает.)

Быть женой правозащитника неудобно.

Никаким родственникам никогда не объяснишь, что за тебя особенно беспокоиться не надо. Под их беспокойством, кстати, совсем не понимается перманентная готовность к репрессиям, которые могут обрушиться на мужа-правозащитника. Нет, это скорее уверенность, что в любой момент правозащитник может выкинуть что-то такое, от чего всем станет неудобно. Этакая постоянно ожидаемая болезненная неадекватность, серьезно осложняющая жизнь всем окружающим. Но родителей и иной ближайший круг можно периодически успокаивать, предъявляя им конкретного человека, который годами ведет себя вполне комильфо.

Однако проблема все же остается. Она совсем не в том, как жить с мужем-правозащитником. А в том, как выглядит семейная интерференция его и твоих взглядов, как сосуществуют сладкие кухонные разговоры его и твоих друзей и коллег. Какие отсветы бросают на твою жизнь его горящие на баррикадах сподвижники.

В общем, любой жене, по-моему, хочется уважать людей и правила, формирующие сообщество, к которому относят супруга. И чтобы окружающие понимали более или менее правильно, чем таким полезным они там занимаются.

С этим у меня как раз серьезные проблемы: самое главное, я как-то внутренне не уверена, что правозащитники – как Мона Лиза, и доказали, что могут уже сами выбирать, кому нравиться, а кому нет. Они, к сожалению, не нравятся большому количеству вполне себе адекватных, разумных, несервильных и думающих об общественной пользе людей, которые отличаются от правозащитников только отсутствием у них в прошлом повода прийти в правозащитную организацию.

Легче легкого записать всех, кто не понимает в правозащите, в «гагары, которым недоступно».

С другой стороны, мне кажется, правозащитное сообщество, это сообщество в некотором роде профессиональное или, по крайней мере, сообщество специализированного, а не бытового знания. Здесь только профессионализм иного рода. Приведу аналогии, подсмотренные мной в

профессиональном споре социологов.¹

Очевидно, должен быть какой-то «правозащитный слух» (аналогично музыкальному). Это что-то типа способности слышать проблемы человека в обществе так, чтобы особенности личностного восприятия "не смазывали" реальную картину. Это возможность улавливать колебания мембраны человеческого достоинства в среде властного произвола безотносительно совершенства или несовершенства собственной личности, присущих ей нравственных идеалов, идеологических, политических и эмоциональных пристрастий, а также свойств, выражающих интересы отдельных групп и даже организаций. Полифонический правозащитный слух – это возможность улавливать актуальные стратегические возможности и вызовы для защиты прав человека в России.

Дискуссия с позиции презумпции ненужности никакого регулирования в связи с заговором власти – на мой взгляд, для профессионального (как минимум специализированного) сообщества неприемлема. Она слишком грешит шумом популистских нарративов вместо специализированного подхода. Предполагаю, что людям с правозащитным слухом в ней должно быть так же неудобно, как и нам, приблудившимся.

Правозащитная деятельность, как и всякая другая, может быть подвержена общественному контролю над ней. Материалом для общественных выводов может стать результат государственного контроля или предъявленная практика самоконтроля. Конечно, чрезвычайно много зависит от качества и процедур того и другого.

Именно последнее обстоятельство и заставило меня высказаться.

Приблизительно с весны стало ясно, что какие-то варианты саморегулирования НКО (помимо, кстати, уже существующих) будут сейчас не только обсуждаться, но и входить в моду.

Заговорили о саморегулировании в правозащитной деятельности.

Это хорошо в том случае, если разговор будет вестись не в тональности вынужденных действий на захваченной территории. Периодически где-нибудь разговаривая о саморегулировании, я чаще всего получала в ответ что-то типа: «Классно! Вместо их регулирования будет наше саморегулирование». В том-то и дело, что *вместо* не будет.

Саморегулирование – это не обманный маневр захода к государству с тыла. Саморегулирование мы осуществляем на своей территории, на собственные деньги и с собственными рисками. Более того, большая часть наших саморегулируемых изысков государству «фиолетовы».

Саморегулирование может увеличить доверие внутри сообщества и доверие к сообществу населения. А может стать предметом кампанейщины,

¹ Дискуссия по поводу статьи С.Г. Кирдиной «Первородный грех социологии», см. <http://club.fom.ru/print/users/318/comments>

будет поддержано фондами в отношении определенного круга организаций и станет источником маленькой тлеющей внутригражданской войны.

Саморегулирование – это актуальный вызов, хорошая возможность и реальные риски.

Может быть, стоит как можно скорее начать обсуждать и первое, и второе, а главное – третье.

Несколько моих соображений по этому поводу – тезисы для начала дискуссии.

Тезисы о саморегулировании

1.

Саморегулирование – это обращение правозащитных организаций к *обществу*, хотя возникает в ответ на давление *государства* на некоммерческую, в т.ч. правозащитную, деятельность. То есть саморегулирование решает проблемы правозащитников с населением прежде всего, а не с властью.

Надо отдавать себе отчет, что, невзирая на декларативную или реальную направленность деятельности некоммерческих организаций на обеспечение общественных интересов, саморегулирование НКО везде в мире возникало под некоторым «принуждением». Чаще в ситуации репутационных скандалов вокруг общественных организаций и возникшей в связи с этим угрозой жесткого государственного регулирования.

Но давление государства – это *повод* для саморегулирования, а не причина. *Причиной* являются все более очевидные проблемы самого некоммерческого сообщества.

Проблемы правозащитной деятельности в России являлись в последнее время предметом не одной дискуссии внутри самого сообщества. Несмотря на имеющееся идейное и практическое своеобразие отдельных групп правозащитных организаций, было что-то общее в выявлении слабостей правозащитности в стране. Все, пусть исходя из разных мотивов, считали проблемами: а) недобросовестную конкуренцию со стороны организаций, имитирующих правозащитную деятельность, б) кризис сетевых и коалиционных правозащитных организаций и проектов в связи с недоверием к центрам принятия решений, в) диаметрально противоположность оценок деятельности правозащитных акторов, слишком близко сотрудничающих с государством (и его разнообразными институтами) либо политическими партиями, г) сжимающуюся ресурсную базу правозащитной деятельности, и отсутствие согласия по поводу

приемлемости» тех или иных источников финансирования правозащитной деятельности, д) общественное непризнание вклада правозащитных организаций в улучшение жизни в стране, е) несоответствие имеющегося управленческого потенциала и правил делопроизводства правозащитных организаций российскому законодательству (объему вмененного государством администрирования), ж) неурегулированность правил в отношении партнеров по специализированным взаимодействиям (в рамках гражданского контроля, правозащитных приемных, лоббирования интересов отдельных групп, соглашений с благотворителями) и т.д.

Кстати, в случае с саморегулированием на самом деле не важно, к подтверждению теории «внешнего заговора» или к констатации внутренних проблем приходили участники дискуссии. Саморегулирование возможно и *против* компрадорской правозащитности и *за* общественную прозрачность управления организациями.

Однако *возможность* саморегулирования перерастает в *необходимость* саморегулирования, когда нерешенность внутренних проблем не позволяет внятно ответить на претензии общества к правозащитным организациям по поводу их непонятности, непрозрачности и закрытости. А проблемы имиджа правозащитника в стране прямо указывают на наличие таких претензий.

Краеугольным является ответ на вопрос, кто будет принуждать к решению внутренних проблем и тем самым даст гарантии ответов на общественные запросы – государство или само сообщество.

Саморегулирование – это когда правозащитная организация в добровольном порядке обращается к обществу и говорит, что берет на себя дополнительные обязательства перед своими членами, сотрудниками, заинтересованными общественными группами, другими общественными организациями и, возможно, государством.

Да, саморегулирование недешево, несентиментально и безжалостно. Романтика – в стремлении доказать, что можно оценивать «по гамбургскому счёту» своих, в уверенности, что можно договориться о самоограничении и ответственности. У штурмующих небо свои правила!

2.

Ответ на вопрос: «Что можно и главное нужно добровольно регулировать?» – один из основных в процессе самоопределения и самоидентификации правозащитных организаций, активистов, бюрократов, экспертов и любой иной правозащитности в стране.

Имеющийся иностранный и отечественный опыт подойдет для ознакомления с видовым разнообразием саморегулируемых систем. Но реальное «меню» предметов и способов саморегулирования для российской правозащиты составляет выявлением актуальных *проблемных зон* и

сопоставлением потребностей решения этих проблем с возможностями разных форм саморегулирования.

В принципе, в самом первом приближении саморегулирование состоит из трех составляющих: саморегулируемые организации (СРО), саморегулируемые среды и саморегулируемые занятия (виды деятельности и т.п.).

СРО, к примеру, может быть Международный Мемориал или любая иная сетевая организация или ассоциация, если бы они разработали, приняли, гласно представили и отслеживали выполнение дополнительных стандартов прозрачности, демократии в управлении и т.п. всеми организациями – членами сети или ассоциации. Саморегулируемая среда – это неинституционализированные (не формализованные в рамках закона) объединения и площадки, гласно устанавливающие правила и имеющие безусловное право принимать или не принимать к реализации на своей «территории» те или иные правозащитные инструменты. Пример – гипотетическое функционирование правозащитного аналога «Билингвы» (Московского клуба публичных лекций и дискуссий на самые животрепещущие социальные и гуманитарные темы). И, наконец, саморегулируемые правозащитные «профессии» (специализированные виды деятельности): гражданские контролеры, правозащитные фандрайзеры, исполнители гражданских расследований, эксперты по правам человека и т.д. Их ассоциации могут установить базовые требования и принципы для деятельности в данной сфере. Сначала к членам своих ассоциаций. А со временем ассоциации вырабатывают единые требования ко всему данному видовому сегменту правозащитного «кластера». Как правило, такие саморегулируемые профессии вырабатывают разнообразные профессиональные и этические кодексы и предлагают согласным к ним присоединяться.

Следующее, на что необходимо обратить внимание при изучении опыта систем саморегулирования, – это формы добровольного регулирования.

Такой формой может быть выработка правил, оформление их в добровольный Кодекс и публичное присоединение к нему людей (или организаций), согласных исполнять данные правила. «Кодекс правозащитного фандрайзера» либо «Этический кодекс гражданского контролера закрытых и полужакрытых учреждений» – это варианты такой разновидности саморегулирования.

Другая форма – членство в организации, в которой происходят взаимопроверки и взаимоответственность в рамках принятых членами дополнительных правил. В этом случае существующая или заново созданная организация типа гипотетической Ассоциации «Открытая правозащита» следит за тем, чтобы информация о полученных средствах, о результатах деятельности, о соблюдении налоговых правил или еще каких-то иных критериях в деятельности конкретных правозащитных организаций вовремя предоставлялась всем заинтересованным группам, была бы доступна и т.д. Причем качество, актуальность и достоверность такой

информации проверяется членами ассоциации методом взаимных проверок.

Иной путь – присоединиться к системам общественных рейтингов организаций или отдельных правозащитных практик. То есть представлять материалы и участвовать в оценке по публично оглашенным правилам. К примеру, могли бы рейтинговаться годовые публичные отчеты правозащитных организаций.

Возможна добровольная сертификация каких-либо правозащитных продуктов: конференций, методик, ресурсов коллективного доступа, обучающих мероприятий и т.п. То есть это совсем не означает, что не может быть проведен несертифицированный семинар. Просто он будет предметом ответственности одной правозащитной организации. Если же он имеет сертификат правозащитной сети или ассоциации, это означает, что его высокий уровень качества гарантируется и подтверждается всей сетью. Аналогия есть в деятельности российского Союза выставок и ярмарок. Некоторым из выставок, проводимых членами Союза – выставочными организациями, присвоено гордое звание «Выставка официального каталога Союза выставок и ярмарок», что для всех участвующих в выставке означает гарантированный устойчивый уровень сервиса, информационного обеспечения и т.п. Согласитесь, что забавно было бы иметь правозащитные конференции гарантированного «трехзвездного» уровня, или правозащитное методическое пособие с пометкой «четыре звезды +». Совсем не потому, что таким образом мы, наконец, отделим «чистых» от «нечистых», а потому, что даже обсуждение критериев и гарантий полезности и качества таких «продуктов» позволило бы серьезно «настроить» деятельность правозащитного сообщества и обозначить разные подходы к эффективности многообразной деятельности по защите прав человека.

Можно и далее продолжать перечисление иных форм саморегулирования, однако интереснее взглянуть на возможные предметы такого добровольного регулирования.

Мне кажется, что при определении предметов нужно исходить из ряда принципиальных положений.

- 1) Продвигаемые правозащитниками ценности должны также быть обязательными для их повседневной практики. То есть, например, частная жизнь членов правозащитных организаций и их клиентов в самой организации должна быть защищена гарантированными процедурами и правилами. Или, продвигая верховенство закона, необходимо либо подтверждать собственную приверженность закону, в том числе, увы, и налоговому законодательству, либо сразу судиться по поводу принятия дискриминирующего законодательства. Но нельзя молчать и тихо бойкотировать, а иногда и безответственно не обращать внимания на «неподходящие» нормы.
- 2) Если мы что-то требуем от государства или от бизнеса, надо предъявлять такие же требования к себе. Общественная непрозрачность власти или социальная безответственность бизнеса не могут быть оправданы никакой целесообразностью. То же самое в

отношении деятельности правозащитных групп. Ответственность и прозрачность – это необходимая платформа взаимодействия правозащитников с бизнесом и обществом, а также условие увеличения доверия населения к правозащитной деятельности. Кстати, есть ощущение, что власти скорее удобно работать при известной замкнутости и отгороженности правозащитников.

- 3) Нет монополии на истинность правил и объектов регулирования. Однако ничто не мешает заявить о своем присоединении или несогласии с данными правилами. Демонстрировать поощрение возможности разнообразия и инаковости в собственной среде – гигиеническое правило правозащитника.

Итак, что же может быть предметом саморегулирования? Как уже было заявлено выше – это введение правил там, где существует проблемность правозащитных практик, взаимодействий, организованностей и т.п. Там, где может быть увеличен «радиус доверия».

Приведу для «затравки» некоторые варианты, помимо тех, которые уже проявились при формулировании примеров выше.

В качестве предмета добровольного регулирования видится возможность учета мнений заинтересованных групп в деятельности правозащитных организаций. То есть это правила и процедуры, создающие дополнительные возможности для клиентов правозащитных приемных, представителей целевой аудитории (репрессированных, беженцев и т.п.), объектов инициируемых перемен (учителей и образовательной бюрократии при развитии систем гражданского образования и т.п.), других групп гражданской активности и т.д.

Отдельными объектами регулирования могут являться:

- минимальные обязательства по предоставлению информации;
- обязательность (возможность) включения представителей заинтересованных групп в органы управления организацией или в стратегические группы и попечительские советы при реализации правозащитных проектов;
- публичное представление докладов и отчетов о деятельности;
- реально действующие механизмы консультаций с заинтересованными группами;
- понятный и не чересчур обременительный «для клиентов» механизм оценки конкретного взаимодействия представителей данных групп с правозащитниками, в том числе возможность введения «Книги жалоб»;
- учет в проектировании деятельности и оказании правозащитных

«услуг и обслуживания» предпочтений получателей помощи (речь идет об элементарной необременительной сервисности приема, информирования, делопроизводства и т.п.);

- возможность внешнего мониторинга деятельности и т.д.

В условиях, когда чрезвычайно неоднозначно оценивается взаимодействие отдельных правозащитных акторов с представителями исполнительной власти и политическими партиями, имеет смысл рассмотреть правила такого взаимодействия как предмет добровольного регулирования и контроля. Ничего в этом уничижительного для фронтменов правозащитного движения нет. Известен закон: «Хочешь увеличить доверие – институционализируй (формализуй, описывай правила) недоверие». Можно ли договориться о правилах, делающих обязательным гласное и доступное для заинтересованного сообщества заявление лидера о том, в каком качестве он выступает – в личном или представляет организацию, получив у нее соответствующий мандат? Необходим ли публичный отчет людей, входящих в разнообразные советы при органах власти об эффективности и результативности деятельности таких советов? Нужно ли договариваться о правилах участия в таких советах и выходах из них? Можно ли сформулировать правила взаимодействия с политическими партиями, которые бы учитывали реальный имиджевый риск и размывание собственной неполитической идентичности для всего сообщества при слишком «чувствительном» сближении гражданских акторов с политическими? Переносим ли мы правила взаимодействия с отечественной властью на взаимодействие с представителями правительств зарубежных стран? И многое другое, что так будоражило участников дискуссий, начиная с Гражданского форума.

Несомненно, необходимы договоренности о регулировании правозащитной кооперации в разных формах. В том числе и при реализации значимых для всего сообщества проектов. На каких условиях и с какой ответственностью используют правозащитные организации сети друг друга? Как защищается интеллектуальная собственность при кочевании наиболее удачных текстов внутри сообщества? Отвечает ли инициатор того или иного правозащитного проекта, реализующегося в нескольких регионах России, за возможные риски для правозащитных организаций региона в случае не совсем ответственного выбора им регионального партнера? Как можно отреагировать на явную несуразность результатов какого-либо проекта или у нас есть «правило невмешательства»? Под несуразностью я понимаю как раз не разные подходы, а явную стратегическую невнятность или полную нелепицу. К примеру, Московская Хельсинкская группа реализовывала проект о создании региональных правозащитных коалиций. В Перми такая коалиция была создана, правда, в нее не вошли самые известные правозащитные организации в регионе: «Мемориал», Пермский региональный правозащитный центр, Пермская гражданская палата, Центр развития демократических молодежных инициатив (молодежный «Мемориал»). Эти организации на момент начала проекта уже и так входили в региональное партнерство и взаимодействовали. Проектный офис об этом вовремя известил, да они и сами это знали, но проект есть проект. В результате была создана еще одна коалиция, состоящая в том числе из организаций, не связывающих свою миссию с защитой прав человека. Что

это было?

Требуется выработать правила ответственного поведения и самоконтроля организациям, проводящим исследования и фигурирующим в качестве экспертных в правозащите. Например, можно ли договориться о правилах и критериях обязательного публичного представления методики исследований, требованиях к ответственности за полученные с ее помощью «диагнозы» и рекомендации? По-моему назрела необходимость как-то урегулировать правила субконтрактных взаимодействий экспертных центров друг с другом, поскольку в силу экономии средств всегда удобнее нанимать другого эксперта в личном качестве, а не заказывать работу другой организации. Однако все же негоже, когда полтора десятка одних и тех же, вполне уважаемых, имен, причудливо образуют авторские коллективы публикаций самых разных экспертных центров. И, конечно, необходимы договоренности об ответственности за внедрение специальных процедур анализа разработанных рекомендаций на их универсальность, применимость, практическую полезность. Тяжела ноша правозащитного тэнка!

Равным образом необходимы саморегулируемые сообщества гражданских контролеров, которые бы определяли базовые требования к ответственности, независимости, непредвзятости и профессионализму правозащитников, занимающихся правозащитным контролем, расследованием и мониторингом. К примеру, есть ли общие представления о том, в каких случаях и на какой стадии процесса контроля общественный контролер обращается с полученными данными в СМИ? Существуют ли требования к этическим нормам, обязательным для выполнения человеком, который реализует контроль соблюдения прав человека? Каковы правила проведения планового и инициативного контроля, чтобы правозащитное сообщество не считало такой контроль имитацией? Каковы критерии результативности и эффективности контрольной деятельности правозащитных организаций?

Даже при перечислении малой толики возможных саморегулируемых систем в правозащитном сообществе становится ясно, что договориться о саморегулировании «по-быстрому» очень сложно. Реальное саморегулирование нужно и имеет смысл в зонах серьезных внутренних проблем правозащитности.

С другой стороны, становится ясно, что элементы саморегулирования в широком смысле этого слова, т.е. включающего еще и так называемые обычаи делового оборота (правила, считающиеся само собой разумеющимися, нормальными), в настоящий момент в правозащите в России присутствуют.

Сумеет ли правозащитное сообщество (или какие-то его части) рискнуть и сыграть на опережение, стать инициатором новых гражданских приличий, продемонстрировать новый тип общественной ответственности – пока не ясно. Однако все же рано или поздно придется рассматривать проблемы вокруг правозащитной деятельности в России настолько внимательно, чтобы увидеть себя как часть этой проблемы. Но к моде на

саморегулирование это имеет отношение маленькое.

3.

Сохранение правозащитного разнообразия требует наличия разных саморегулируемых систем в сообществе.

Те, кто защищает единственность или надеется на создание единственной «правильной СРО», боюсь, не отдает себе отчета в опасности монопольного положения в сообществе, которое может занять такая саморегулируемая организация. В конечном итоге монопольность способствует превращению понятия «саморегулируемая организация» в формальность или свою противоположность, исчезновению самого смысла саморегулирования, добровольности и инициативности как его основы. Кроме того, стоит оценить риски *для всех*, возникающие в том случае, если единственная СРО будет преследовать политику, наносящую вред настоящему или будущему правозащиты (односторонние концепции ее развития, предпочтение одних участников правозащитной деятельности другим, установление монопольно высоких барьеров (требований, критериев) на участие в СРО или ее услуги и др.).

Присоединение к той или иной саморегулируемой организации – это возможность обозначить границы *приемлемости* того или иного стандарта, практики, подхода для *отдельных* правозащитных организаций и активистов. Но требование к неединственности (немонопольному характеру) СРО – это признак *общей* правозащитной идентичности.

Однако допускать множественность систем теоретически и терпеть их на практике – это совсем не одно и то же. Придется, видимо, оставить надежду, что границы саморегулируемых систем внутри российской правозащиты совпадут с уже сложившимися по факту устойчивыми правозащитными коалициями и сетями.

Международный опыт говорит о том, что членство в саморегулируемых организациях часто создает некие дополнительные преференции для их членов. К примеру, учитывается благотворителями при распределении грантовых средств. Естественно, это создает дополнительные соблазны для организаций, толкая их к присоединению к саморегулируемой системе. И это нормально. Саморегулирование – это не рахметовщина. Ее смысл – в создании дополнительных возможностей для организаций внутри радиуса доверия, который, кстати, в случае прозрачности и открытости СРО шире, чем границы самой саморегулируемой организации.

Представьте себе ситуацию разработки и принятия гипотетического «Кодекса ответственности партнеров государственной программы развития правозащиты». Не важно, что название корявое, но возможное. Если будет выясняться, что именно данная СРО рейтингует организации для получения государственных грантов, то количество присоединившихся к данной системе саморегулирования правозащитных организаций будет достаточно серьезным. Причем, чем больше среди них будет самостоятельных, устойчивых и известных организаций, тем сильнее для СРО возможность не

перейти грань между дополнительной прозрачностью и реальной управляемостью со стороны государства.

Понимая это, как именно будет решать Международный Мемориал проблему отношения к данному Кодексу, если часть мемориальных организаций присоединится к нему, а другие организации – члены Мемориала будут считать Кодекс дезертирством и соглашательством? Не такая уж и невозможная история, достаточно вспомнить публичное обращение Международного Мемориала об отношении к Общественной палате, и самостоятельное получение рядом региональных организаций – членом Мемориала грантов от этой самой палаты.

Понятно, что можно считать свободу присоединения к саморегулируемым системам для организаций – членом сетевой организации или коалиции признаком внутренней демократичности сети (коалиции). Но как филигранно надо будет поддерживать идентичность сетевой организации, когда внутри нее будет находиться разнообразное количество членом разных саморегулирований!

Конечно, можно применять политику огораживания, объявляя согласованный мораторий на участие в иных саморегулируемых системах для своих членом (такое движение неприсоединения). Хотя сами правила моратория, проверка их исполнения и санкции к нарушителям – и есть собственная система саморегулирования. И она также не может быть единственной в секторе. Что, собственно, подтверждает общее правило.

Возможно, развитие саморегулирования заставит правозащитные сети заниматься обновлением собственной структуры: от «паутины» – к чему-то, похожему на кубик Рубика. Но это уже другая песня.

Саморегулирование правозащитной деятельности не отменяет, а требует существования иного и «инакового» саморегулирования, свободы выбора и присоединений к разным системам. Смысл правозащитного саморегулирования заставляет не скрывать, а делать открытыми различия, предъявлять обществу разные правозащитные системы. Может быть, это и есть шанс на светлое будущее прав человека в России?

4.

Саморегулирование – это не просто добровольное принятие на себя «повышенных обязательств» или даже самоограничений. По сути, саморегулируемая система предполагает «воспроизведение полной структуры власти».²

Это означает установление правил игры («легислатуры»), их исполнения («эксекютора») и независимой проверки их исполнения («суда»). Причем единственной надеждой на неигрушечность саморегулирования

² М. Отставнов. Почему феодалы добры. <http://www.computerra.ru/offline/2001/389/8154/>

является не декларирование «полного цикла» правил, но практика их выполнения.

Придется серьезно подумать о том, в какой мере нынешнее правозащитное сообщество, даже в самых спянных своих сегментах, готово к саморегулированию «по-взрослому».

Любая подпольщина (в том числе просто криво покосившаяся бухгалтерия) делает независимую проверку, пусть и дружественную, возможной «не для всех ситуаций». А избирательная проверка – здесь смотрю, здесь не смотрю – по сути, связывает участников круговой порукой.

Личная ответственность всегда проще и романтичнее, чем исполнение ответственности коллективной. Но кому от этого легче?

5.

Проблема недостроенности правил саморегулирования правозащиты не решается за счет отсылки к государственному регулированию в недостающей части. Установления собственного «суда» или какой-то иной институции с аналогичными функциями не избежать.

Отсутствие суда – есть отсутствие возможности апелляции члена организации в случае неверного решения по его поводу органа СРО. Наивно считать, что при реальном саморегулировании в проблемных сферах правозащитного сообщества не будет предметов для несогласия, потому что все, связанные «договором о присоединении», будут одинаково трактовать и, безусловно, выполнять правила и процедуры.

При этом, если нет внутреннего «суда», прозрачного, с понятной процедурой и предъявляемыми обществу решениями, то по факту предполагается, что наши глубоко нюансированные правила могут быть оценены на предмет их выполнения либо государством, либо никем.

Возможное переключивание «самой неприятной» деятельности в саморегулировании «на дядю», к сожалению, увеличивает риски круговой поруки.

Логика здесь простая. Государство, да и население, в данный момент, предполагает, что даже самые невинные правозащитные союзы и объединения могут быть оболочкой несправедного сговора. И в случае «внешнего» разбора жалобы какого-либо правозащитного актора на неверную оценку саморегулируемой организацией выполнения им правил, этой СРО светят серьезные разбирательства с надзирающими за НКО органами. Именно поэтому, видимо, никакая организация – член СРО в государев суд саморегулируемую организацию не потащит. Потому что обижать своих членов в этих условиях правозащитная СРО не станет. Я даже догадываюсь почему.

Поэтому в реальности либо собственный «суд» по поводу выполнения

вводимых нами дополнительных правил, либо никакого суда и никакой апелляции, либо никакого саморегулирования. Что страшнее для будущего правозащиты в России?

Возможно, размышления о саморегулировании выглядят как технократический заговор против «разумного, доброго, вечного». Ничего с этим поделать не могу.

Быть может, сейчас правозащитникам не до саморегулирования. Владислав Гжещик как-то сказал: «Если бы мы жили вечно, у нас на все нашлось время, – но едва ли нашлась бы охота».

Я знаю одно: саморегулирование – это не предмет легкой салонной беседы, это серьезный процесс, требующий от участвующих в нем мужества, ответственности и затрат.

Обсуждение правил, достижение договоренностей и самоконтроль – это возможность решить серьезные проблемы российской правозащитности и увеличить доверие внутри правозащитного сообщества (или совокупности людей, считающих, что они занимаются защитой прав человека).

При этом уверена, что дискуссии о необходимости и возможности формулирования правил в конкретных организациях и сетях или на каких-то общих площадках помогут поиску внятно формулируемой основы правозащитной деятельности или мировоззренческой доминанты, что, в свою очередь, может помочь с идентификацией в обществе правозащиты как типа деятельности.

Начало процесса консультаций по саморегулированию и предъявление обществу разных правозащитных систем саморегулирования увеличит социальный капитал правозащиты. Может быть, не столько в части растущего участия населения в правозащитных практиках. Вполне возможно, что правозащитниками (как и предпринимателями, к примеру) не может быть большая часть населения.

Однако в наших силах своей открытостью и прозрачностью увеличить доверие к правозащитным организациям и деятельности, повысить степень актуальности прав человека как правил социальной жизни, способствовать толерантному отношению населения к людям, заявляющим о нарушении своих и чужих прав, усилить готовность солидаризоваться с практиками и инициативам по обеспечению и защите прав человека.

Или как минимум попытаться это сделать.